

Быков Антон Валерьевич

ОБРАЗ КИРИЛЛОВА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ А. Л. ВОЛЫНСКОГО (ИЗ ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО "БЕСЫ")

Основная цель статьи – как можно более полно представить и проанализировать интерпретацию А. Л. Волынским образа Кириллова из романа Ф. М. Достоевского "Бесы". Волынский – один из основателей религиозно-философской критики Серебряного века, впоследствии забытый, автор книги о творчестве Достоевского. Ранее взгляд критика на Кириллова не был полноценно представлен в отечественном литературоведении. В данной статье выявлена оригинальность интерпретации Волынского, заключающаяся в актуализации им особого аспекта идеологии Кириллова, в общей положительной оценке образа в целом. Также выявлена определённая субъективность и даже неадекватность интерпретации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. II. С. 45-48. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82.09.-31

Филологические науки

Основная цель статьи – как можно более полно представить и проанализировать интерпретацию А. Л. Волынского образа Кириллова из романа Ф. М. Достоевского «Бесы». Волынский – один из основателей религиозно-философской критики Серебряного века, впоследствии забытый, автор книги о творчестве Достоевского. Ранее взгляд критика на Кириллова не был полноценно представлен в отечественном литературоведении. В данной статье выявлена оригинальность интерпретации Волынского, заключающаяся в актуализации им особого аспекта идеологии Кириллова, в общей положительной оценке образа в целом. Также выявлена определённая субъективность и даже неадекватность интерпретации.

Ключевые слова и фразы: А. Л. Волынский; интерпретация; религиозно-философская критика; декадентство; идея человекобога; субъективность.

Быков Антон Валерьевич, к. филол. н.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, филиал в г. Елабуге

anton-77@mail.ru

**ОБРАЗ КИРИЛЛОВА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ А. Л. ВОЛЫНСКОГО
(ИЗ ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»)©**

Аким Львович Волынский (1861-1926) – один из ведущих литературных критиков Серебряного века, впоследствии забытый. Он написал одну из первых историй русской критики (1896), первую книгу о творчестве Н. С. Лескова (1898). Позже, занявшись балетной критикой, написал книгу о технике и философии балета (1925). Кроме того, известна его книга о Леонардо да Винчи (1898). В общем, он представляет интерес для исследователей. Подробнее о нём можно прочитать в статье В. А. Котельникова «Воинствующий идеалист Аким Волынский» (2006) [3].

Волынский был одним из первых представителей религиозно-философской критики (наряду с В. С. Соловьёвым, В. В. Розановым, Д. С. Мережковским и др.). Он был истинным энтузиастом, рыцарем идеализма. С романтическим пафосом, метафорическим, возвышенным и несколько туманным стилем Волынский доказывал, что все лучшие духовные проявления человека – нравственность и т. д. – так или иначе, имеют своим основанием, источником идеальный мир, мистическую, божественную сущность земного бытия. Религиозно-мистический идеализм был главным инструментом его литературно-критических интерпретаций.

Главный вклад Волынского в литературную критику – книга «Достоевский» (1906, переизд. 1909, статьи из книги публиковались с 1897 по 1904 гг.), которая уникальна и значима, ибо представляет собой единственный в религиозно-философской критике детальный анализ основных образов трёх романов писателя: «Идиот», «Братья Карамазовы» и «Бесы» (именно в таком порядке). Кроме статьи И. Д. Якубович «Достоевский в религиозно-философских и эстетических воззрениях А. Волынского» (2000) [5], публикаций об этом труде критика нет. В статье Якубович, по словам Котельникова, есть «содержательный и компактный обзор интерпретаций Волынского творчества Достоевского» [3, с. 68]. Статья содержательна настолько, насколько можно описать довольно большую книгу на 22 страницах. В частности, интерпретации Волынского образа Кириллова посвящено 14 строк. Поэтому новизна данной статьи очевидна.

Статья о Кириллове написана в 1903 году и называется «Праведный агнец», впервые напечатана в сборнике статей Волынского «Книга великого гнева» (так называется цикл статей о «Бесах») в 1904 году [1, с. 315-334]. Волынский не первым обратился к этому образу. В 1901 году в журнале «Мир искусства» публиковалась вторая часть книги Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», в которой довольно значительное место занимает анализ идеологии Кириллова [4, с. 409-451]. В том, что Волынский читал эту книгу, нет никакого сомнения.

Образ Кириллова противоречив и необычен, подвергался самым разным трактовкам. Интерпретация Волынского оригинальна и интересна.

1. Для него была очевидна особая философская значимость этого образа. «Может быть, никогда ещё Достоевский не всходил на такую идейную высоту» [1, с. 315].

2. Вообще Волынский увидел в Кириллове энтузиаста идеи, человека, весьма близкого ему самому по характеру, и потому столь положительно к нему отнёсся. «Достоевский придаёт идейному экстазу Кириллова характер маниакальности. Но Кириллов прекрасен в этой своей маниакальности, потому что в словах его... звучит нота той безграничной веры в собственную идею, которая могла родиться только в глубинах его духа, в его богочеловеческих глубинах» [Там же, с. 323]. Безусловно, самому Волынскому была свойственна близкая к маниакальности вера в собственные идеалистические идеи.

3. Волынский усмотрел в идеях Кириллова преддверие декадентства – самой характерной идеологии переходной, кризисной эпохи рубежа XIX и XX веков. «Кириллов, с его проповедью освобождения от всех туманов и кошмаров жизни, говорит истинно новое, свежее слово в вопросе человеческого блага, может быть, самое замечательное слово, когда-либо и кем-либо сказанное в русской литературе. Отсюда пошла вся

диалектика современности, молодая и бурная, смиренная и дерзостная, религиозная и демоническая, всё, чем живет и дышит человек нашей эпохи» [Там же, с. 315]. В этом Волынский основывался на наблюдениях Мережковского о поразительном совпадении идей Кириллова и Ницше. Но Мережковский совершенно не связал их с общей атмосферой эпохи.

4. В отличие от Мережковского, Волынский в целом положительно оценил «декадентские» идеи Кириллова-Ницше. На первый план он выдвинул кирилловскую идею освобождения человека – от боли и страхов жизни, от «всего того, что давит человеческое естество». «Нельзя себе представить более решительного отрицания по отношению ко всему строю человеческой жизни... И всё это верно». В словах Кириллова – «будет новый человек, счастливый и гордый» – Волынский увидел «великую правду, ощущаемую современным человеком» [Там же, с. 316]. Волынский полностью разделял мечты Кириллова о будущей радикальной перемене человека духовно и физически. То, что современники Достоевского восприняли как бредовую фантазию, для многих идеалистически настроенных людей Серебряного века представлялось близким и реальным будущим. Интерпретация Волынского это очень ярко показывает.

5. Если Мережковский сосредоточился в конце концов на ошибочности, порочности идей Кириллова-Ницше и решительно отверг их, Волынский выдвинул на первый план позитивное историческое значение нищезанятия. «Явившись призывом к разрушению всякой религии, идея человекобога, как она воплотилась в гениальных произведениях Достоевского и Ницше... содействовала новому прибою критического идеализма» [Там же, с. 322-323]. И только после возникновения идеи человекобога «вопрос о богочеловеке впервые становится теперь... на настоящую, научно-философскую высоту» [Там же, с. 323]. Идеи Кириллова-Ницше разрушили «официальную мистику», закосневшее церковное богословие, обновили идейную жизнь общества, заставили людей мыслить. «Идея человекобога, во всяком случае, является мостом к правильным богочеловеческим концепциям» [Там же, с. 334].

6. Впрочем, саму идею человекобога Волынский считал принципиально ошибочной, поскольку истинное преображение человека заключается не в самообожествлении, а в смирении перед безличным духовным началом. Он утверждает идею богочеловека, идеал Христа, спорит в этом с Кирилловым. «Христос... умер не за ложь», Христос уже сделал то, что собирался сделать Кириллов, – «рассеял страх жизни и боль смерти» [Там же, с. 325]. «И если идея Кириллова о человекобоге является протестом против человеческого рабства... то идея богочеловека... даёт человеку возможность проявить самую большую, самую нужную свободу: свободу от своего личного эгоизма, с евхаристическим гимном безличным, вселенским правдам метафизического неба» [Там же, с. 326].

7. Волынский не принял самоубийства как главного пути освобождения от страха смерти и жизни. Аргументация Волынского весьма экзотична и основана на его собственных философских убеждениях. В данной статье она выражена не очень внятно, но смысл её следующий: не боятся смерти и несовершенной жизни люди, для которых «бытие не ограничивается их личным или историческим опытом» [Там же, с. 318], они видят в любом факте жизненного несовершенства его идеальную, мистическую сущность, которая является залогом его потенциального, будущего совершенства. «Всё хорошо, потому что всё является почвой, из которой вырастет счастье будущих людей» [Там же, с. 321]. «Возможность проявления высшей свободы находится не в акте самоубийства, а именно в акте добровольного признания жизни» [Там же, с. 320]. Волынский опровергает идею Кириллова его же собственными словами: «всё хорошо».

И, конечно, само описание самоубийства Кириллова более всего доказывает, что эта его идея «совершенно химерична и не соответствует ни одной из сторон человеческой природы». Правда, с художественной стороны «нельзя себе представить более захватывающих страниц» [Там же, с. 323].

8. И всё же Волынский (впрочем, как и Мережковский) увидел в идеях Кириллова тайное единство с христианством. Во-первых, сама идея о новом человеке явно коррелирует с христианской идеей духовного преображения человека. «И хотя философия Кириллова хочет быть полным противоположением мистической идеологии христианства, но слова его о новом человеке, который стал богом, законодателем собственной жизни, который победил все гипнозы истории, вошёл в новое духовно-плотское существование, погубил свою душу и возродил свой дух, – эти слова Кириллова звучат тайной гармонией с вдохновениями и фантазиями Нового Завета» [Там же, с. 317]. Во-вторых, в идее, что «всё хорошо», Волынский увидел элементы религиозного приятия жизни. В-третьих, «богочеловеческие глубины» критик уловил в самом стремлении Кириллова «...“открыть дверь” свободе и счастью человечества» [Там же, с. 323], то есть понял, хотя ясно это не выразил, жертвенный смысл самоубийства героя (об этом говорит само название статьи – «Праведный агнец»). В-четвёртых, Волынский считал, «что теория человекобога, атеистическая в представлении самого Кириллова, вовсе не имеет атеистического характера» [Там же, с. 330], она религиозна по своей сути.

9. Вообще Волынский воспринял Кириллова как скрытого, но истинного христианина. Из слов героя «меня Бог всю жизнь мучил» критик делает принципиальные выводы: «не всё ли равно, признаёт ли человек Бога или отрицает его, если только при этом он мучается вопросом о Боге? Это значит, что Бог живёт в его ощущениях и что все муки происходят только от того, что он переживает разлад между реальными... ощущениями... рвущимися к свету, и химерической логикой, которая не может обнять этих ощущений» [Там же, с. 329]. «Непосредственной своей натурой Кириллов ощущает Бога» [Там же, с. 328].

Волынский приводит множество деталей романа, которые, по его мнению, косвенно доказывают это его утверждение. В рассказе Кириллова Петру Верховенскому о Христе Волынский видит «такое отрицание Христа, в котором пламенеет великая любовь к нему» [Там же, с. 324]. Кириллов «любит Апокалипсис, занимается им и читает его даже такому человеку, как Федька Катормжний» [Там же, с. 329]. Ему очень нравится мысль

Апокалипсиса, что времени больше не будет. «Он верит больше, чем любой идеалист ума, и в своей вере очерпает какое-то представление о вечности, чувствует эту вечность, проповедует её. Он так проповедует безбожие, что людям кажется, что проповедует Бога» [Там же, с. 330]. Федька Каторжный прямо воспринимает его как верующего, подозревают скрытую веру и Ставрогин, и Петр Верховенский. Волынский отмечает, что Кириллов очень эмоционально и большей частью положительно реагирует на все упоминания о Христе и вере.

Кириллов застрелился перед открытой форточкой. Волынский считает, что это «глубокий намёк» на то, что непосредственная натура героя стремится к жизни, к свежему воздуху, опровергая его «ошибочную идею» [Там же, с. 328]. О том же самом говорит и признание Кириллова перед самоубийством, что он ужасно боится. В том же смысле Волынский объяснил неправильность речи Кириллова. Он посчитал, что речь его неправильна, только когда он говорит о своей теории. Потому что «он говорит против себя, против своей природы» [Там же, с. 331]. Но, например, когда Кириллов говорит Шатову о пяти секундах гармонии, его слова «поистине вдохновенные» [Там же, с. 332]. В целом это неверно, в романе нет такого прямого соответствия: речь Кириллова везде примерно одинакова – неправильна, но порой очень ярка и афористична. Однако заслуга Волынского заключается в том, что он одним из первых заметил странность речи Кириллова и высоко оценил её как художественный приём: «это удивительный художественно-психологический эксперимент Достоевского в области человеческого слова» [Там же, с. 331].

Кириллов любит всё простое, естественное, во многих его поступках «сверкают золотые лучи самой нежной сердечности» [Там же, с. 332]. Он любит детей и сам иной раз напоминает ребёнка, любит жизнь, здоровье, гимнастику, красивые вещи, прекрасно ездит на лошади, перед самоубийством покупает курицу. «Он никого не бранит» [Там же, с. 333], всегда доброжелателен и т.д. «Из мозаичных подробностей романа складывается цельное представление о натуре этого человека, пылкой и богоносной» [Там же, с. 333-334].

10. Такова в целом интерпретация Волынского. Однако нужно сказать, что, доказывая свою трактовку, критик далеко не всегда объективен и адекватен тексту. Он совершенно не упоминает о некоторых деталях, негативно освещающих образ Кириллова, или упоминает их очень мягко. Например, о том, что своим предсмертным письмом он прикрывает откровенного негодяя Петра Верховенского, беря на себя его преступление – убийство чистого душой Шатова. Этим Кириллов косвенно участвует в этом убийстве.

Волынский не совсем адекватно понял, в чём именно заключается та высшая свобода, к которой стремится Кириллов и в которой человек становится богом. Кириллов достигает этой свободы непосредственно перед самоубийством, когда всё-таки соглашается на все условия Верховенского. Это абсолютное освобождение от любых ограничений: если всё равно, жить или не жить, то и вообще всё равно, можно абсолютно всё, безразлично, что произошло с Шатовым, его только что родившей женой и всеми остальными. Именно от этого ощущения абсолютной и бесчеловечной свободы Кириллов приходит в детский восторг.

Весьма странно Волынский трактует упрек Кириллова Ставругину в том, что он на дуэли не убил Гаганова. Для критика это доказательство любви Кириллова к естественности (то есть естественнее и честнее на дуэли убить противника, а не стрелять в воздух), однако эти слова ещё и показывают присущую герою жестокость, безразличие к чужой человеческой жизни. Для него лучше остаться честным, чем сохранить жизнь. Сложную натуру Кириллова Волынский пытается свести к однозначной положительности и религиозности.

11. Выводы. Волынский оставил одну из самых распространённых, подробных и целостных трактовок образа Кириллова в дореволюционной критике (в этом смысле с Волынским может посоперничать лишь Мережковский). Оригинальность интерпретации Волынского заключается: 1) в общей положительной оценке образа Кириллова, которого он объявил скрытым христианином, увидев в нём близкую себе натуру энтузиаста; 2) в том, что критик оценил в целом положительно саму идеологию Кириллова, рассмотрев её в необычном аспекте: в контексте современных Волынскому идейных тенденций – декадентства-нищестанства, восприняв её как призыв к реальному освобождению человечества, увидев в ней скрытую связь с христианством (отвергнув лишь некоторые элементы этой идеологии: явное отрицание Бога, «самообожествление» и самоубийство).

В какой-то степени Волынского можно назвать предшественником И. И. Евлампиева, современного историка философии, написавшего довольно парадоксальную, целиком апологетическую статью, в которой попытался доказать, что Кириллов – второй Христос, герой абсолютно положительный, выражающий сокровенные мысли самого Достоевского [2]. Однако Волынский всё же более адекватен замыслу Достоевского и тексту романа, чем Евлампиев.

Но интерпретация Волынского не лишена недостатков, она во многом субъективна и даже неадекватна. Критик упрощает сложную личность Кириллова, в ходе доказательства своей концепции он допускает натяжки, подгонку фактов, многие факты вообще игнорирует. Но в целом его интерпретация вполне типична для критики Серебряного века.

Список литературы

1. **Волынский А. Л.** Достоевский. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1909. 367 с.
2. **Евлампиев И. И.** Кириллов и Христос: самоубийцы Достоевского и проблема бессмертия // Вопросы философии. 1998. № 3. С. 18-34.
3. **Котельников В. А.** Воинствующий идеалист Аким Волынский // Русская литература. 2006. № 1. С. 20-75.
4. **Мережковский Д. С. Л.** Толстой и Достоевский. СПб.: Мир искусства, 1902. Т. 2. 530 с.
5. **Якубович И. Д.** Достоевский в религиозно-философских и эстетических воззрениях А. Волынского // Достоевский: материалы и исследования. СПб., 2000. Т. 15. С. 67-89.

**IMAGE OF KIRILLOV IN A. L. VOLYNSKIJ'S INTERPRETATION
(FROM HISTORY OF PERCEPTION OF NOVEL "DEMONS" BY F. M. DOSTOEVSKIJ)**

Bykov Anton Valer'evich, Ph. D. in Philology
Kazan' (Volga Region) Federal University (Branch) in Elabuga
anton-77-@mail.ru

The main purpose of the article is to present and analyze as complete as possible the interpretation of Kirillov's image by A. L. Volynskij in F. M. Dostoevskij's novel "Demons". Volynskij is one of the founders of religious-philosophical criticism of the Silver Age, later forgotten, the author of the book about Dostoevskij's creative works. Previously the critic's opinion on Kirillov was not fully represented in the national literary criticism. The author reveals the originality of Volynskij's interpretation, which is the actualization of the special aspect of Kirillov's ideology, in general positive assessment of the image as a whole; and also reveals the certain subjectivity and even the inadequacy of interpretation.

Key words and phrases: A. L. Volynskij; interpretation; religious-philosophical criticism; decadence; idea of God-man; subjectivity.

УДК 811.116

Филологические науки

Статья раскрывает особенности функционирования полипредикативных предложений с паратаксом и гипотаксом в диалогах киносценариев в положении такой единицы диалогической коммуникации как коммуникативный ход. Основное внимание в работе автор уделяет анализу формальной организации и информативной структуры полипредикативного предложения.

Ключевые слова и фразы: полипредикативное предложение; паратакис; гипотаксис; диалог; коммуникативный ход.

Волошина Татьяна Геннадьевна

Мишанова Юлия Владимировна

Белгородский национальный исследовательский университет
tatianavoloshina@rambler.ru

**ПОЛИПРЕДИКАТИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С ПАРАТАКСИСОМ И ГИПОТАКСИСОМ
В СТРУКТУРЕ КОММУНИКАТИВНОГО ХОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СЦЕНАРНЫХ ТЕКСТОВ)©**

Одним из ключевых лингвистических вопросов является выявление принципов порождения текста, что, в свою очередь, приводит к необходимости определить текстовые конститuenty. Однако, несмотря на интенсивное развитие коммуникативной лингвистики, на современном этапе не существует единой классификации коммуникативных единиц диалога.

Многие исследователи, изучающие диалогические единицы, исходят из предложенной системы единиц, разработанной Л. М. Михайловым, где основными компонентами *диалогического единства* являются *коммуникативный шаг* и *коммуникативный ход* [3, с. 86-145].

В данной работе исследуются особенности функционирования полипредикативных конструкций с паратаксом и гипотаксом в позиции коммуникативного хода в диалогах англоязычных киносценариев.

Коммуникативный *ход* как единица речевой деятельности объединяет различное количество шагов в зависимости от того, какими средствами они представлены. В среднем, коммуникативный ход в сценарных текстах включает от одного до пяти шагов, если они представлены простыми синтаксическими образованиями или неполными предложениями (предложениями-репликами, предложениями-ответами и др.). Если в составе *коммуникативного хода* функционирует полипредикативное предложение с паратаксом и гипотаксом, то он состоит от одного до трёх шагов. В процессе изучения диалогических текстов киносценариев было выявлено, что в подавляющем большинстве случаев (82% от общего количества коммуникативных ходов) полипредикативное предложение с паратаксом и гипотаксом функционирует в *двухшаговых ходах*.

Для определения текстового потенциала полипредикативного предложения были изучены следующие его аспекты: функционирование полипредикативного предложения как компонента структуры коммуникативного хода, его локализация в рамках того или иного хода и его функция в этой коммуникативной диалогической единице.

Исходя из коммуникативно-прагматической структуры коммуникативного хода, такие исследователи как Т. А. Зайцева, А. А. Родичева, Л. М. Колоева в англоязычной диалогической речи выявляют различные типы двухшаговых коммуникативных ходов: *декларатив + декларатив*, *декларатив + интеррогатив*, *интеррогатив + декларатив* и др. [1, с. 6; 2, с. 64; 4, с. 42].